

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.

Мадамъ Легро.

Мадамъ Легро, хозяйка небольшой мелочной лавочки, однажды нашла на улицѣ объемистый пакетъ, заключавшій въ себѣ какую-то рукопись; конвертъ былъ совсѣмъ мокрый и сургучная печать размякла. Съ ужасомъ прочитала она слѣдующую надпись: „Мазерь де-Латюдъ, проводившій около 32 лѣтъ въ Бастиліи, Венсенѣ и въ настоящее время безвинно томящійся въ Бисетрѣ на шесть футовъ ниже поверхности земли, на хлѣбѣ и водѣ“ *). Сгорая отъ любопытства, она тотчасъ же вернулась домой, закрыла свою лавочку и съ жадностью принялась за чтеніе описанныхъ Латюдомъ страданій. Потомъ она переписала эту рукопись для себя, а подлинникъ поручила мужу отнести къ его адресату, президенту Гургу.

*) *Бастилія*—общее названіе во Франціи для укрѣпленныхъ замковъ съ башнями. Болѣе извѣстна была Бастилія въ Парижѣ, построенная Карломъ V (1370—1383), для защиты отъ англичанъ и обращенная потомъ въ тюрьму для государственныхъ преступниковъ. Ее защищали бастионы, рвы и 4 башни. Въ 1789 г., Бастилія, ненавистная народу, какъ оплотъ деспотизма, была разрушена.—*Венсенъ*—небольшой городъ въ 4 верст. отъ Парижа (теперь предмѣстье), знаменитый своимъ арсеналомъ и древнимъ замкомъ, построеннымъ въ 1137 г., который при Людовикѣ XI былъ обращенъ въ государственную тюрьму а съ 1808 г. преобразованъ въ крѣпость. Въ 1804 г. тутъ, во рву, былъ разстрѣлянъ герцогъ Энгиенскій—весьма темное пятно въ исторіи Наполеона I, до сихъ поръ неразъясненное.—*Бисетрѣ*—древній французскій замокъ близъ Парижа, построенный въ царствованіе Карла V и возобновленный при Людо-

Кто былъ этотъ Латюдъ и въ чемъ заключалось его преступленіе? Мазеръ де-Латюдъ родился 23 марта 1725 года въ замкѣ Крансешъ, неподалеку отъ замка Монтаньякъ въ провинціи Лангедокъ, въ имѣніи, принадлежавшемъ маркизу де-Латюдъ. Его отецъ былъ кавалеромъ королевскаго ордена и имѣлъ одинъ изъ высшихъ воинскихъ чиновъ. Воспитаніе Латюдъ получилъ дворянское, такъ какъ онъ предназначался для службы своему отечеству при королѣ. Лишь только ему исполнилось 23 года, онъ тотчасъ-же былъ отправленъ въ Парижъ, чтобы довершить свое образованіе. Попавъ тамъ въ среду такихъ-же знатныхъ дворянъ, имъ овладѣло сильное честолюбіе, и онъ началъ къ чему-то стремиться, хотѣлъ играть какую-то роль въ государствѣ.

Средство, которое онъ избралъ для изысканія себѣ покровительства, было не только несимпатично, но настолько безразсудно и глупо, что привело его къ суровому 35-лѣтнему заключенію въ различныхъ тюрьмахъ. Во всякомъ случаѣ, однако, оно было только плодомъ молодого легкомыслія и, при другихъ условіяхъ, могло бы привести къ такому ужасному наказанію.

Въ одинъ прекрасный день, это было въ 1749 году, Латюдъ находился въ Тюильери и случайно подслушалъ разговоръ двухъ господъ, которые свободно выражали свое презрительное мнѣніе о маркизѣ Помпадуръ*), въ то время пользовавшейся еще неограни-

викъ XIII; при Людовикѣ XIV превращенъ въ госпиталь для престарѣлыхъ гражданъ. Затѣмъ Бисетръ былъ перестроенъ и приспособленъ къ помѣщенію въ немъ богадѣльни для стариковъ, дома для умалишенныхъ и темницы для преступниковъ. Въ немъ замѣчателенъ колодезь въ 165 фут. глубины, построенный Боффрандомъ.

К. Б.

*) Жанна-Антуанетта Пуасонъ де-Помпадуръ (1720—1764) незаконная дочь откупщика Ленормана Турнегеймъ, давшая ей хорошее воспитаніе. Была замужемъ за Ленорманомъ д'Этиолъ; по смерти фаворитки Шатору, сама явилась къ Лю-

ченною властью. И вотъ, Латюду вдругъ пришла въ голову дикая мысль: выдумавъ цѣлую исторію предстоявшаго на Помпадуръ покушенія, онъ рѣшилъ самъ предостеречь ее отъ него, и этимъ способомъ заручиться ея расположеніемъ и покровительствомъ. Онъ написалъ ей письмо, насыпалъ въ конвертъ вполнѣ безвредный порошокъ, опустилъ пакетъ въ почтовый ящикъ и во весь опоръ помчался въ Версаль. Добившись того, что его допустили къ ней, онъ рассказалъ придуманную имъ-же самимъ исторію, предостерегая отъ угрожающаго маркизѣ покушенія, и заклиналъ ее пакетъ, который былъ чѣмъ то наполненъ, вскрыть съ большой предосторожностью. При этомъ онъ добавилъ, что прослѣдилъ обоихъ заговорщиковъ до почты, видѣлъ, какъ они сдали тамъ посылку, содержащую въ себѣ, по всей вѣроятности, что-либо опасное, и, судя по ихъ разговорамъ, предназначавшуюся, конечно, для нея. Въ первый моментъ Помпадуръ сильно встревожилась и предложила Латюду богато наполненный золотомъ кошелекъ, чтобы выразить ему свою благодарность; но онъ съ гордостью отклонилъ подарокъ и сказалъ, что вправдѣ разсчитывать на вознагражденіе, болѣе соотвѣтствующее какъ его, такъ и ея достоинствамъ!

довикъ XV. Онъ далъ ей званіе при дворѣ и квартиру въ Версалѣ, гдѣ она и оставалась 24 года. Мужа отправили въ Воклюзъ, а ей дали званіе маркизы Помпадуръ, такъ какъ родъ этотъ прекратился. Она старалась занимать короля, истощеннаго всякими излишествами, набирала для него гаремъ, устроила олений паркъ, между тѣмъ какъ сама захватила всю власть въ свои руки и распоряжалась самовластно; изгнала іезуитовъ изъ Франціи, переписывалась съ Маріей-Терезіей, объявила войну Пруссіи. Вступила въ союзъ съ Австріей, съ бурбонами въ Италіи и Испаніи и присоединила Корсику къ Франціи. Покровительствовала писателямъ, философамъ и художникамъ, но жестоко мстила за памфлеты, сыпавшіеся на нее, изгоняла непочтительныхъ и щедро одаряла льстецовъ.

К. Б.

Тогда Помпадуръ, хитрая, недовѣрчивая и подозрительная тиранка, потребовала, чтобы онъ написалъ ей свой адресъ и общала извѣстить его о своемъ рѣшеніи. Слишкомъ молодой и легкомысленный Латюдъ не могъ, конечно, догадаться о томъ, какую западню ему готовили.

Пакетъ, о которомъ ей было сообщено, аккуратно доставленъ, порошокъ изслѣдованъ химиками и найденъ вполне безвреднымъ, почерки сличены и признаны принадлежащими одной и той-же рукѣ. Усмотрѣвъ въ этомъ кровную для себя обиду, даже преступленіе, Помпадуръ дала строжайшій приказъ арестовать Латюда. Онъ беззаботно сидѣлъ въ своей квартирѣ и рисовалъ въ своемъ воображеніи всевозможныя картины будущаго своего положенія, когда къ нему пришли, чтобы арестовать его и отвести въ Бастилію, а потомъ въ другія тюрьмы, которыя онъ покинулъ только по прошествіи 35 лѣтъ, благодаря смѣлымъ и великодушнымъ хлопотамъ одной совершенно чужой для него женщины.

Въ теченіе этой мучительной и превратно сложившейся жизни, которую столь долгое время ему пришлось проводить, Латюдъ нѣсколько разъ пытался спастись бѣгствомъ: но, всегда неудачно! Въ первый разъ побѣгъ ему почти удался. Одновременно съ нимъ въ тюрьмѣ содержался нѣкій священникъ, по имени Сенъ-Соверъ, чрезвычайный добрякъ, который стремился облегчить тяжесть заключенія другимъ узникамъ своими бесѣдами и своими книгами. И вотъ, однажды, послѣ девятимѣсячнаго сидѣнія, какъ только въ Латюдѣ сильно пробудилась жажда свободы, онъ воспользовался всеобъемлющей доброю священника, чтобы легче проскользнуть изъ тюрьмы.

Латюда ежедневно выводили на два часа для прогулки въ саду Бастиліи, и когда приходилъ за нимъ тюремный надзиратель, то онъ всегда торопился сбѣ-

гать съ лѣстницы ранѣ послѣдняго. Въ тотъ день, когда онъ возымѣлъ въ мысляхъ попытку къ бѣгству, онъ бѣшено поскакалъ съ лѣстницы и, вмѣсто сада, устремился въ противоположную сторону, къ запертымъ воротамъ подъ одной изъ башенъ. На его сильный стукъ, стража немедленно открыла дверь. Онъ наскоро сообщилъ, что разыскиваетъ аббата Сенъ-Совера и уже два часа бѣгаетъ за нимъ по всѣмъ направленіямъ тюремнаго двора, такъ какъ священникъ общалъ ждать его въ саду, но тамъ его нѣтъ. Придуманная имъ такимъ образомъ исторія отвлекла подозрѣніе стражи, предположившей, что видитъ передъ собою не арестанта, а тюремщика и потому она безпрепятственно пропустила его бѣжать далѣе. Точно такъ-же отвлекаетъ онъ подозрѣніе еще у трехъ сторожей, свободно пропускавшихъ его, и лишь достигъ до четвертаго какъ очутился уже за стѣнами тюрьмы. Но, не надолго; вскорѣ же его выслѣдили и привели обратно.

Другая попытка къ побѣгу также удалась ему. Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ свивалъ онъ изъ разорванныхъ въ лоскутья своихъ многочисленнаго гардероба и запаса бѣлья веревки для лѣстницы, чтобы потомъ, съ ея помощью, черезъ дымовую трубу изъ своей камеры, по крышамъ и башнямъ Бастиліи, съ тысячью опасностей для жизни, достигъ земли за тюремными стѣнами! Но, какъ и послѣ первыхъ попытокъ, благодаря своей неосторожности, онъ былъ снова пойманъ.

Преслѣдователи Латюда обвинили его въ обыкновенной кражѣ, но сдѣлали это уже послѣ того, какъ онъ, вслѣдствіе своего неудачнаго побѣга, былъ снова водворенъ въ тюрьму и лишенъ возможности защищаться. Эта новая подлость сразила его. Онъ все перенесъ: и мученія голода, и ужасы непогоды въ сильную зимнюю стужу, и всѣ другія лишенія вмѣстѣ взятыя; но подлости и прочихъ ужасныхъ пытокъ угнетаемой невинности—нѣтъ, онъ не могъ быть ихъ без-

молвной жертвой. Онъ обращался за содѣйствіемъ къ своимъ родителямъ и родственникамъ, чтобы они помогли ему доказать его невинность; но тѣ отвѣчали ему, что, обманувъ ихъ надежды и расчеты, онъ самъ добровольно порвалъ всѣ отношенія, которыя до того связывали его съ его семействомъ, такъ что теперь они не желаютъ признавать его. Почувствовавъ себя, такимъ образомъ, всѣми оставленнымъ, онъ палъ духомъ, потерялъ всякую надежду на лучшее будущее и какъ-бы надолго лишился сознанія своего земного существованія. Въ разныхъ тюрьмахъ онъ назывался ложными именами, чтобы не наложить пятна на свое собственное.

Президентъ Гургъ отъ времени до времени навѣщалъ тюрьмы; однажды прибылъ онъ также въ Бастилю и посѣтилъ камеру Латюда. Выслушавъ подробный рассказъ Латюда, онъ сказалъ ему, что только безчувственный не тронется его судьбой; затѣмъ онъ предложилъ ему весь рассказъ изложить на бумагѣ, а тюремному смотрителю приказалъ немедленно же, по окончаніи описанія, доставить ему таковое. Это и была та самая печальная повѣсть, которую нашла на улицѣ мадамъ Легро! Уѣзжая, президентъ Гургъ сказалъ Латюду:

— Положитесь на меня; ваши страданія настолько велики, чтобы можно было легко забыть ихъ. До свиданія.

Латюдь принужденъ былъ продавать часть своего хлѣба, чтобы добыть себѣ необходимыя письменныя принадлежности. Онъ описалъ все съ полною откровенностью, своимъ чувствамъ далъ полную волю и съ полнымъ довѣріемъ отнесся къ этому доброму, сочувствующему покровителю; онъ изобразилъ свои муки съ краснорѣчіемъ страдальца, изложилъ все безъ лишней горечи, вс и безъ всякой утайки. Однако, онъ не отваживался довѣрить рукописи тюремному смотрителю, а продалъ остатки своей лучшей одежды и бѣлья, хра-

нившихся имъ въ надеждѣ прилично одѣться, когда наступитъ день освобожденія, и вырученныя деньги отдалъ сторожу за то, чтобы тотъ вручилъ рукопись президенту Гургу. Но, къ несчастью, или лучше сказать, къ счастью, Латюдь не замѣтилъ, что сторожъ въ это время былъ пьянъ.

Президентъ Гургъ принялъ господина Легро, доставившаго ему пакетъ, весьма любезно и благодарилъ, что черезъ него онъ овладѣлъ рукописью Латюда, которую самъ отъ него потребовалъ. Онъ увѣрялъ, что очень тронутъ содержаніемъ рукописи и въ то же время смущенъ; что онъ давно уже интересовался судьбою Латюда, но, къ своему прискорбію, недавно узналъ, что Латюдь съумасшедшій, по меньшей мѣрѣ онъ страдаетъ періодическимъ помѣшательствомъ, и такъ какъ болѣзнь эта длится уже 32 года, то нельзя надѣяться на выздоровленіе. Поэтому, Латюдь долженъ считаться вообще опаснымъ, и его друзьямъ ничего не остается, какъ сожалѣть о немъ и печалиться о его злополучной долѣ. Послѣ этого нетрудно понять, какія послѣдствія произошли бы для Латюда, еслибы тюремщикъ, когда принималъ рукопись для передачи господину Гургу, былъ случайно трезвымъ!

Когда господинъ Легро возвратился и сказалъ женѣ, что президентъ Гургъ не желаетъ принять на себя защиту Латюда, она вышла изъ себя. Перечитывая вновь описаніе его несчастій, она все болѣе убѣждалась въ справедливости содержания рукописи и вполне прониклась тѣмъ духомъ, который диктовалъ Латюду; по тому способу, какимъ онъ изображалъ свои муки, она познала, что онъ чувствовалъ всю горечь своего положенія; она понимала, что съумасшедшій никогда не могъ бы выражаться такъ ясно, что онъ только горячился бы, всѣми силами стараясь освободиться отъ оковъ, которые такъ жестоко мучили его, но не могъ бы говорить такимъ смѣлымъ языкомъ невиннаго, ко-

торый не унижится до прошенія лишь милости къ преступнику. Всѣ эти представленія воспламенили ее и въ то же время объяснили ей дѣло въ настоящемъ видѣ, такъ что она не впала въ такую-же ошибку, какъ президентъ Гургъ.

Также и то обстоятельство, что Латюда не могли обвинять въ какомъ-либо преступленіи, а просто объявляли его помѣшаннымъ, опаснымъ безумцемъ, сильно дѣйствовало на нее. Описаніе столь многочисленныхъ нечеловѣческихъ страданій трогало ее чувствительное сердце и въ то же время ею овладѣло неизъяснимое возмущеніе. Сначала она скрывала свои намѣренія и, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ревностно производила разслѣдованіе, пока, наконецъ, ей удалось убѣдиться въ истинѣ рукописи и въ невиновности узника. Послѣ этого она рѣшила уже энергично дѣйствовать, совершенно забывъ о своихъ личныхъ обязанностяхъ и заботахъ, и цѣлыхъ три года подрядъ не предавалась другой мысли, какъ только въ томъ, чтобы освободить совершенно ей чужого, столь сильно преслѣдуемаго несчастіемъ, человѣка. Она не имѣла ни вліятельныхъ родственниковъ, ни подходящихъ къ ей цѣлямъ друзей, не обладала ни средствами, ни какимъ-либо другимъ покровительствомъ; и все-таки она сполна предалась такому почти безнадежному предпріятію. Ей предстояло заинтересовывать участію Латюда важныхъ господъ, лицъ съ высокимъ положеніемъ. Когда ей это удавалось, то она шла къ нимъ и говорила съ такимъ задушевнымъ краснорѣчіемъ, передъ которымъ блѣднѣло краснорѣчіе разсудка. Сначала ее обнадѣживали, потомъ дразнили или грубо выталкивали. Но она продолжала упорствовать, не утомлялась возобновленіемъ своихъ походовъ, не отступала ни передъ какими затрудненіями. Немногіе друзья, которыхъ она успѣла пріобрѣсти своими отважными и столь безкорыстными домогательствами, дрожали за ее жизнь и, въ особен-

ности, беспокоились о возможности лишенія ея свободы, предвидя опасности, на которыя такъ слѣпо толкалась сама мадамъ Летро; но она была глуха ко всѣмъ увѣщаніямъ и предостереженіямъ. Не теряя надежды, послѣ семимѣсячныхъ неудачъ, на благопріятный исходъ, она рѣшила, въ одинъ холодный, зимній день, отправиться пѣшкомъ въ Версаль; но, изнеможенная голодомъ, холодомъ и усталостью, вечеромъ возвратилась домой въ угнетенномъ состояніи, такъ какъ во всѣхъ просьбахъ ей безповоротно было отказано. Всю ночь напролетъ она снова готовилась и на другой день утромъ опять отправилась въ Версаль, но также безуспѣшно. Только по истеченіи восемнадцати мѣсяцевъ, полныхъ самыми сильными напряженіями, трудами, утомленіемъ и лишеніями, ей удалось проникнуть въ тюрьму и познакомиться съ Латюдомъ, который въ это только время впервые узналъ о неизвѣстныхъ друзьяхъ, какіе были у него внѣ тюремныхъ стѣнъ. Когда она собственными глазами увидѣла его неимоверныя страданія, она нашла въ себѣ новыя силы, чтобы преодолѣть всѣ препятствія и опасности. Въ это тяжелое для нея время, она должна была родить; но вскорѣ она освободилась отъ своего ребенка, отдавъ его въ пріютъ, чтобы привести къ окончанію начатое ею дѣло.

Въ своемъ самоотверженіи для несчастнаго узника она не знала никакихъ границъ. Она бѣгала въ отдаленныя предмѣстья, повсюду, гдѣ только рассчитывала находить людей, которые могли бы заинтересоваться судьбой Латюда, голодала, нарочно заставляя черствѣть хлѣбъ, чтобы, такимъ образомъ, не имѣть большого расположенія къ ѣдѣ; многіе хотѣли облегчить ее предпріятіе денежными пособіями, но къ этому нельзя было ее склонить, такъ какъ она отказывалась принимать даже ничтожныя суммы. Хотя мужъ ея, учитель иностранныхъ языковъ, и самъ очень нуждался, но никогда не мѣшалъ женѣ выполнять однажды начатое

ею столь великодушное дѣло. Всѣ удивлялись выдержкѣ мадамъ Легро, изумлялись ея способностямъ и просто поражались ея искусствомъ, въ одинъ день преодолѣвать столько разнообразныхъ препятствій и избирать дороги, которыя вели ее въ противоположные кварталы города, при чемъ она пользовалась только самой ничтожной частью ночи для отдыха. Между тѣмъ, ей приходилось работать не только для поддержанія своего существованія, но чтобы съ честью покрыть и тѣ небольшіе долги, которые оставилъ ей въ наслѣдство отецъ, до франка и сантима. И все это она переносила со стонческою покорностью. Латюдъ-же огорчался тѣмъ болѣе, что не могъ ничѣмъ вознаградить ее за всѣ приносимыя ею для его освобожденія жертвы.

Всѣ три года, посвященные трудамъ освобожденія Латюда, мадамъ Легро находилась въ постоянномъ возбужденіи, въ постоянной охотничьей травлѣ. Она не давала покоя и тѣмъ людямъ, которые, какъ ей казалось, могли бы быть въ состояніи помочь Латюду; она безпрестанно сновала у ихъ дверей, у одного сьумѣла вызвать желаніе совмѣстной работы, у другого возобновить сочувствіе; однимъ она льстила, другимъ обѣщала покровительство нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ изъ круга ея новыхъ знакомыхъ. Однажды мадамъ Легро удалось въ участі Латюда заинтересовать одного придворнаго Маріи Антуанетты, и когда тотъ докладывалъ королевѣ о безвинномъ страдальцѣ, вошелъ другой придворный и весьма легкомысленно сказалъ, что Латюдъ сумасшедшій и что все представленіе о немъ ничто иное, какъ ложь. Бумага выпала изъ рукъ докладчика, и только что возбужденные интересъ и участіе королевы и двора моментально исчезли.

Но вотъ, въ судьбѣ Латюда принимаетъ участіе кардиналъ Роганъ. Мадамъ Легро дѣлала продолжительныя напрасныя попытки, чтобы ее допустили къ нему,

съ трудомъ заинтересовала Латюдомъ жену привратника и этимъ путемъ добилась, наконецъ, свиданія съ сановникомъ. Онъ былъ очень тронутъ рвеніемъ и великодушіемъ мадамъ Легро и обѣщаль ей оказать свое вліяніе. Назначенная комиссія должна была еще разъ пересмотрѣть дѣло Латюда. Въ продолженіе 35 лѣтъ безвинно томился Латюдъ подъ адскими сводами тюрьмы, задерживавшими его дыханіе, и полная отчаянія душа его непрерывно терзалась нечеловѣческими муками. Всѣ члены его были разбиты и изранены тревненіемъ и тяжестью кандаловъ, тѣло изъѣдено отвратительными насѣкомыми; вмѣсто свѣжаго воздуха онъ вдыхалъ гнилыя испаренія. Въ довершеніе всего этого ужаса, ему постоянно казалось, что о поддержаніи его здоровья нарочно заботились, не допуская приближенія смерти, которая положить предѣлъ его невыносимымъ страданіямъ и освободить его отъ его подлыхъ мучителей. Таковъ былъ его жребій въ продолженіе длиннаго ряда лѣтъ. Тѣ, которые наслаждаются жизнью, живутъ на свободѣ и въ радости, полагаютъ, что время слишкомъ скоро проходитъ; но бѣдному узнику, который томится въ тюрьмѣ, оно кажется совсѣмъ неподвижнымъ. Можно представить себѣ, сколькими столѣтіями казались Латюду эти 35 лѣтъ заточенія, постоянно возобновляемыя страданія котораго удесятерились въ его мысляхъ и надрывали его бодрость и силы. Однажды, послѣ неудачной попытки къ бѣгству, Латюдъ снова сидѣлъ въ тюрьмѣ и не могъ выносить безсодержательности казавшагося ему неподвижнымъ времени. Тогда одинъ изъ его мучителей сжалился надъ нимъ и, уступая изъ сочувствія къ нему его просьбѣ, далъ ему разрѣшеніе взять къ себѣ частнаго служителя, съ которымъ онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, разговаривать, что, тѣмъ не менѣе, подѣ страхомъ суроваго наказанія, запрещалось всѣмъ заключеннымъ. Но бѣдняга не могъ вынести такого суще-

ествованія и его здоровье съ каждымъ днемъ разстраивалось все болѣе и болѣе; его, однако, не отпускали, несмотря на то, что объ этомъ усердно хлопотали онъ самъ и Латюдъ, обременяя начальство. Латюду стало казаться, что, предоставляя слугѣ умирать на его глазахъ, тѣмъ самымъ находили поводъ усугубить его личныя страданія. Слугу удалили изъ камеры Латюда только послѣ того, какъ онъ испустилъ свой послѣдній вздохъ. Молодой человекъ не былъ въ состояннн выдержать и трехъ мѣсяцевъ тамъ, гдѣ Латюдъ долженъ былъ провести 35 лѣтъ; но эти три мѣсяца, какъ утверждалъ Латюдъ, сравнительно были еще лучшими, которые онъ тамъ пережилъ. Въ одномъ мѣствъ своихъ мемуаровъ Латюдъ говоритъ: „Мнѣ, собственно, слѣдовало бы каждый разъ, когда я говорю о своихъ безчеловѣчныхъ, пристрастныхъ судьяхъ, во имя челоуѣколюбія и для поддержанія вѣры въ него, почаще называть имя мадамъ Летро“.

Изъ числа многихъ добрыхъ людей, которые трудились надъ освобожденіемъ Латюда, особенно постаралась мадамъ Неккеръ *), своею настойчивостью добившаяся почти невозможное превратить въ возможное. Наконецъ, министръ подписалъ приказъ объ освобожденн, даже поставилъ объ этомъ въ извѣстность мадамъ Неккеръ и поручилъ ей сообщить о томъ Латюду. Затѣмъ дано было распоряженіе приказъ объ освобожденн отослать въ полицейское управленіе, чтобы, наконецъ, онъ попалъ по назначенію. Но полицейскій комиссаръ Ле-Нуаръ, который почему-то ненавидѣлъ

*) *Сузанна Неккеръ*, сама писательница и мать тоже писательницы и видной дѣятельницы революціи, знаменитой мадамъ Сталь-Гольштейнъ, была женою Жака Неккера, бывшаго дважды министромъ, и прославившагося любовью народа, особенно, по созванію генеральныхъ штатовъ. См. примѣчаніе къ біографіи Люсиль Демулэнъ.

К. В.

Латюда, не постыдился задержать эту бумагу у себя въ теченіе шести недѣль, и еслибы мадамъ Неккеръ не возобновила своихъ смѣлыхъ и энергичныхъ походовъ, то приказъ могъ бы быть и вовсе утаенъ, и бѣдняга Латюдъ продолжалъ-бы оставаться въ тюрьмѣ и умеръ бы закованнымъ въ кандалы. Лишь только наступило освобожденіе, какъ новое несчастье постигло Латюда: одно изъ условій его помилованія состояло въ томъ, что ни одного часа онъ не смѣлъ оставаться въ Парижѣ и немедленно долженъ былъ отправляться на родину, доживать тамъ остатокъ своей жизни подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Что могъ онъ предпринять на родинѣ, которая давно уже стала для него чужою, а родственники, такъ безсердечно отреклись отъ него? Тогда мадамъ Летро, со своими многочисленными новыми друзьями, предприняла послѣдній походъ и, послѣ новыхъ трудовъ и испытаній, достигла того, что Латюду разрѣшили остаться въ Парижѣ. Она съ мужемъ взяли его къ себѣ и окружили такими заботливыми попеченіями, въ которыхъ отказали ему его родственники!

Мадамъ Летро не пережила осады и разрушенія Бастиліи; она не задолго передъ этимъ умерла. Но ей принадлежитъ слава въ томъ, что она помогла ея разрушенію. Это именно она дала толчекъ ко взрыву уже питавшаго ненависть и отвращеніе народа къ этой ужасной тюрьмѣ произвола, гдѣ томилась многочисленныя страдальцы за свои сердечное призваніе и любовь къ правдѣ. Слабая рука бѣдной, измученной женщины потрясла массивныя желѣзныя рѣшетки Бастиліи и разрушила ея укрѣпленія и адскіе своды.

Первое выступленіе женщины на поприще героизма, внѣ семейнаго очага, какъ и слѣдовало ожидать, совпало съ дѣломъ милосердія.

Такъ это было всегда, и во всѣ времена; но что уже дѣйствительно было ново и оригинально въ этомъ

дѣлѣ, такъ это та изумительная настойчивость въ необыкновенно опасномъ и чрезвычайно сомнительномъ предпріятіи, которую осуществила съ безстрашнымъ самоотверженіемъ, опасною борьбою со всѣми препятствіями и предубѣжденіями добрая, простая мадамъ Легро! Ея имя достойно быть упоминаемымъ наряду съ блестящими именами другихъ подвижниковъ великой революціи!